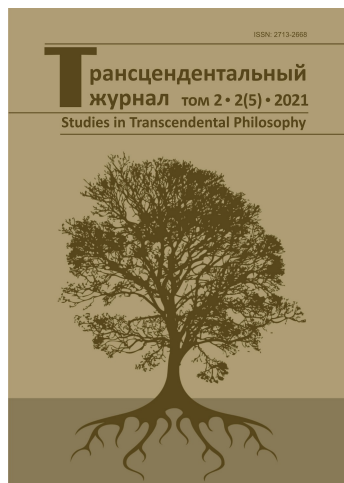

Трансцендентальный журнал 2013-2024

ISSN 2079-8784

URL - <http://ras.jes.su>

Все права защищены

Выпуск 2 Том 2. 2021

Неконструктивистские мотивы в философии Канта

Счастливецва Елена Анатольевна

Вятский государственный университет

Российская Федерация, Киров

Аннотация

В статье раскрывается поэтапный процесс кантовского эмпирического познания. Разделяя априорное и эмпирическое знание, Кант дает основания для более детального анализа эмпирического и чистого опыта. Поскольку Кант отрицает эмпиризм, возникает вопрос, что для него является опытом? Мы полагаем, что пространственно-временные отношения, которые играют ведущую роль в его теории опыта, могут быть проанализированы на трансцендентальном уровне как понятие величины, в то время как ощущения пространства и времени, в свою очередь, могут быть довольно хорошо описаны с точки зрения физиологии эмпирического опыта. Феноменологический подход Канта позволяет описать механизм восприятия, начиная с чистых созерцаний, лежащих в основе математики, и заканчивая эмпирическими ощущениями. Таким образом, можно утверждать, что есть способ реконструировать определенную шкалу восприятий: существуют интуитивные представления о пространстве и времени на трансцендентальном уровне, что дает возможность применить математику к природе. Этот уровень становится отправной точкой для последующих представлений о математическом времени и геометрическом пространстве. Этот процесс приводит к эмпирическим суждениям, которые больше не носят аподиктического характера.

Ключевые слова: конструктивизм, теория опыта, интенсивная величина, шкала ощущений-восприятий, ступенчатый процесс познания

Дата публикации: 16.11.2021

Ссылка для цитирования:

1

Кант писал во многих вариантах,
чуть ли не противоположных для
разных читателей и толкователей.
Как выйти из этого противоречия,
если мы знаем, что полной...
интерпретации быть не может?
Каковы должны быть критерии выбора
трактовок?

Ю.В. Перов

2

Выдумывая Шекспира, мы опираемся
только на его тексты.

Хью Оден

3

«Коперниковский переворот», произведенный Кантом, с одной стороны, привел к возникновению проблематики трансцендентальной дедукции категорий в связи с новой проблемой конструирования понятий (Васильев 1998, 29), а с другой, к проблеме истолкования его эмпирического реализма (Катречко 2021, 15). В современном кантоведении и, шире, в эпистемологии продолжаются непростые дискуссии как на темы кантовского трансцендентального идеализма и конструктивизма, так и относительно его эмпирического реализма и теории опыта. Кант говорит о двух необходимых условиях возможности познания: о созерцании и понятии. Исследование происхождения понятий у него породило конструктивизм, понимаемый в том смысле, что понятие как продукт деятельности субъекта формирует реальность (Лекторский 2008, 11), тогда как исследование созерцания поставило во главу интересов теории опыта, чувственного познания. Кант сооружает здание из априорных синтетических суждений, пытаясь решить юмовскую проблему объяснения причинной связи понятий в опыте (ср. Васильев 1998, 31) и на этом пути определить, что есть познавательный опыт как таковой. Но именно это и вызвало у многих исследователей критику априорных синтетических суждений именно с точки зрения опыта. Так, Д. Хоган утверждает, что априорное синтетическое знание в геометрии несовместимо с реалистической теорией пространства, поскольку последняя основывается на индукции, предполагающей наблюдение внешних объектов, что ведет к ограничению пространства и подрывает кантовскую идею о его универсальности (Хоган 2021, 24). В рамках проблемы связи априорных синтетических суждений с чувственным опытом кантовское учение о схематизме ставит проблему «чувственного понятия». Некоторые исследователи, например, М.Е. Соболева, интерпретируют его в том смысле, что именно чувственность гарантирует реальность внешнего мира, «включая нас самих» (Соболева 2021, 22).

4

В данной статье речь пойдет в основном о чувственном опыте в теории познания Канта. Заметим, что существуют различные точки зрения на реализм, включая кантовский, но можно, в целом, сказать, что если признается влияние

внешнего опыта на познание, то такое учение реалистично. Так, Соболева полагает, что «ключ к реалистической интерпретации Кантовой теории находится ... в его знаменитой главе о схематизме, связывающей трансцендентальную эстетику с учением о категориях» (Соболева 2021, 22). В отличие от нее С.Л. Катречко единоклюбен с Д. Хайдеггером в том, что кантовская трансцендентальная философия выступает одной из форм реализма, представляя собой метафизику возможного опыта как синтез эмпиризма и априоризма (Катречко 2021, 15). Катречко считает, что коперниковский поворот Канта от предметов к представлениям предполагает эмпирический фактор аффицирования нашей чувственности внешними предметами. Тобиас Розефельдт также считает, что когда мы воспринимаем пространственный предмет, его конкретные размеры, например, длина, даются нам эмпирически. Кроме того, эмпирический вектор аффицирования обеспечивают и другие характеристики предмета – цветовые оттенки и т. д. (Розефельдт 2021, 17). Продолжая дискуссию, я предлагаю рассмотреть «Пролегомены» и «Критику чистого разума» аналитическим методом, то есть провести текстуальный анализ труднодоступных для понимания мест кантовской философии, применяя так называемое «аппликативное» чтение (Соболева 2018, 137).

⁵ Кант начинает с утверждения, что положения математики интуитивны, объясняя это тем, что в основе математики лежит *чистое созерцание*. Благодаря этому математика может демонстрировать все свои понятия *in concreto* и в то же время *a priori*, то есть конструировать их (Кант 1994а, 35). *A priori*, таким образом, означает у Канта в данном случае конструктор или схему, или форму, каркас. Его остроумие заключается в том, что он в чистом созерцании усмотрел условие достоверности (аподиктичности) синтетического суждения в математике, в отличие от суждений на основе эмпирического созерцания, не обладающих аподиктичностью и достоверностью. Но здесь возникает сложный вопрос: как можно созерцать *a priori*, как созерцание предмета может предшествовать самому предмету? (Кант 1994а, 36). Кант выбирает удачную формулировку, говоря о *форме* чувственности: чистое созерцание есть только форма чувственности, оно включает в себя пространство, что актуально для геометрии, и время, что существенно для арифметики. С одной стороны, формы априорны, то есть чисты, а с другой – они есть проявления объективного, как многие считают, пространства и времени. Но можно ли назвать пространство и время субстанциями, вызывающими чувственные ощущения? Кант не считает их таковыми. Они суть внешняя и внутренняя формы нашей чувственности, которые носят априорный характер и оказываются поэтому необходимыми условиями познания. Кроме того, пространство и время суть не что иное, как способы нашего представления предметов (Кант 1994а, 50). Причем он не признает полного сходства представления с реальностью, что весьма актуально с учетом новейших эпистемологических дискуссий, и полностью отрицает эмпиризм, утверждающий, что знание предмета возникает непосредственно из ощущений: вот так передо мной стоит вещь такой, какая она есть сама по себе.

⁶ Но что по Канту тогда есть *опыт*? Кант разделяет субъективный и объективный опыт. Субъективный опыт – это индивидуальное восприятие субъекта, а объективный – закономерные суждения опыта (Кант 1994а, 55).

Субъективное восприятие никогда не дает знания об объекте; иное дело, когда за дело принимается понятие, делающее чувственные представления общезначимыми. Эта процедура – понятийное мышление – и превращает субъективное представление в общезначимый объект. Эмпирические суждения требуют рассудочных понятий, которые придают им обязательную значимость и всеобщность, а значит и «объективность». Например, сахар сладкий, комната теплая – это суждения восприятия, основа которых – субъективные ощущения. Но, говорит Кант, воздух упруг – это суждение опыта, которое принимает объективный характер, когда и у других субъектов познания он будет вызывать подобные восприятия – «чтобы и я, и всякий другой необходимо связывали всегда эти восприятия при одинаковых обстоятельствах» (Кант 1994а, 57). То новое, что он здесь привносит – это то, что не эмпирические, а априорные понятия являются условием всеобщности и необходимости опыта. Он расширяет понятие опыта до возможности познания только «в пределах» этого опыта, выходя на понятия закона и закономерности в познании природы вещей. Теперь становится понятно, почему он говорит об условиях возможности опыта как такового. Закон может быть тем самым дедуктивным постулатом (суждением), с которого начинается движение к постижению реальности, и таким образом, мы неизбежно выходим к трансцендентальной дедукции категорий. Так, Кант приводит пример из математики: прямая линия есть кратчайшая между двумя точками. Эта аксиома требует подведения под априорное понятие количественной величины.

⁷ Мы выявили, что суждения опыта носят объективный характер, и для того, чтобы синтетическое суждение «сахар сладкий» сделать объективным, нужно придать ему необходимый характер посредством априорных условий рассудка. Вот что пишет Кант: «Прежде чем суждение сможет стать суждением опыта, нужно подвести восприятие под какое-нибудь рассудочное понятие» (Кант 1994а, 58). Вопрос с синтетическими суждениями – эмпирическими и априорными – требует пояснений. Возьмем эмпирическое синтетическое суждение «солнце нагревает камень». Здесь мы имеем кроме восприятия еще и чистое рассудочное понятие причины, «необходимо связывающее с понятием солнечного света понятие теплоты, и синтетическое суждение становится необходимо общезначимым... и из восприятия превращается в опыт» (там же). Здесь есть весьма интересный момент, связанный с пониманием процесса познания. Он заключается в приведении созерцаний *к понятию* (Соболева 2018, 132), предшествующему причинности в качестве реального связывания предметов между собой на основе индукции. Для установления причинности в процессе индукции происходит подведение созерцаний *под понятия*, что придает суждениям восприятия общезначимый характер (Кант 1994а, 58). Итак, у Канта возникает двойное понимание процесса придания восприятиям всеобщности. Во-первых, это процесс обобщения путем приведения к закономерности (например, установление причинности: связь солнца с теплотой); во-вторых, созерцание сначала подводится под чистое рассудочное понятие – это своего рода его объективация (или «первичная концептуализация», осуществляемая по типу установления идентичности объекта (Соболева 2018, 133)). В нашем примере с созерцанием воздуха это выглядит следующим образом: суждение может стать общезначимым при подведении созерцания под понятие причины в соответствии с формулой S есть P в суждении «воздух упруг» (Кант 1994а, 55) и в предшествующем этому моменте идентификации всеми субъектами

познания воздуха как такового (S есть S) (ср. Соболева 2018, 133). На наш взгляд, эти стадии позволяют представить переход субъективных суждений восприятия в объективные суждения опыта у Канта.

⁸ Подчеркнем, что Кант говорит о том, что все наши априорные синтетические суждения объективно значимы: «Даже суждения чистой математики в её простейших аксиомах не исключаются из этого условия» (Кант 1994а, 59). Стоит отметить, что он здесь говорит не только о происхождении опыта, но и о его содержании – о том, «что в нем заключается»: «Опыт состоит из созерцаний, принадлежащих чувственности, и из суждений, которые представляют собой исключительно дело рассудка» (Кант 1994а, 62).

⁹ Обратим внимание на одну трудность. По Канту, познавательное синтетическое суждение есть необходимое, всеобщее суждение опыта (Кант 1994а, 62). Тем не менее, синтетические суждения не всегда обладают статусом необходимых (аподектических). Некоторые исследователи находят у него в этом противоречие. «Нельзя исключать, — считает Д. Н. Разеев, — что Кант допускал наличие ряда субъективных форм чувственности, не ведущих к объективации. Однако прямо он об этом не высказывался» (Разеев 2010, 195). Но, как мы уже сказали выше, всеобщий и необходимый характер математическим суждениям придают априорные формы, основу которых составляют отношения, построенные на пространственно-временных связях. Кант пишет: «Могу только посоветовать читателю, который издавна привык считать опыт только эмпирическим соединением восприятий и потому нисколько не думает о том, что опыт идет гораздо дальше восприятий, придавая эмпирическим суждениям общезначимость, для чего он нуждается в чистом, а priori, предшествующем рассудочном единстве...» (Кант 1994а, 69). А. Гулыга в данной связи говорит о том, что Канту удалось прорыть каналы и подвести их к общему центру (Гулыга 2019, 178). Этими каналами являются созерцания – чувственный опыт, а центром – синтез этих созерцаний, представленный посредством логической функции категориальных суждений. Так, Кант подводит под понятие величины пространственно-временные отношения, что составляет принцип применения математики к опыту. Он утверждает: «Опыт есть синтез восприятий, который сам не содержится в восприятии, но содержит в сознании синтетическое единство их многообразного...» (В218). Так, качество ощущения (цвет, вкус и т. п.) всегда чисто эмпирическое, и его никак нельзя представить а priori (В 217). При этом хотя все ощущения даны только а posteriori, но их свойство, что они имеют степень (интенсивность величины), может быть познано а priori (В 218). При этом всякому опыту должны предшествовать три модуса времени (постоянство, последовательность и существование) (В 219).

¹⁰ Подчеркнем, что Кант говорит о том, что наши эмпирические представления о вещах не конструируются нами на основе априорных основоположений (В 222). Но невозможно и обратное: «из опыта никогда нельзя извлечь доказательство существования пустого пространства и пустого времени». Кант далее поясняет: «В самом деле, полное отсутствие реального в чувственном созерцании, во-первых, само не может быть воспринято и, во-вторых, не может быть выведено ни из каких явлений и различий в степени их реальности, а также никогда не применяется для объяснения их» (В 214). Но нас в большей степени

интересует вопрос, как же возникают эмпирические представления? Очевидное, что они возникают из ощущений, но механизм этого возникновения непонятен. Единственно, что можно сказать здесь, это то, что ощущениям должны предшествовать некие временные условия (модусы), являющиеся конститутивными и регулятивными принципами. Хочется привести аналогию с математическими представлениями Галилея о пространстве и времени, которые он использовал для создания таких представлений, как инерция, масса, скорость и т. д. Ученый руководствовался принципами (методами), которые легли в основу его научных понятий (представлений). Метод Галилея заключался в сочетании идеальной математической модели с эмпирическими данными (Лебедев, Ильин 2005, 96), причем он уделял пристальное внимание именно необходимости «последовательного эмпирического обоснования идеально-логических законов и формулировок» (Лебедев, Ильин 2005, 99).

¹¹ У нас здесь должен возникнуть вопрос, что понимает Кант под явлениями? Не есть ли это в действительности понятия той же самой науки? Но он пишет, что созерцания должны быть подведены *не прямо под категории, а только под их схемы* (В 223). Тогда совокупность явлений, по Канту, составляет возможный опыт, а знание о них в какой-то степени гипотетично. Сам синтез явлений мыслим лишь в схеме чистого рассудочного понятия, где категория содержит функцию единства этого синтеза как условие логического познания. При помощи априорных синтетических основоположений Кант стремится «соединять явления только по аналогии с логическим и всеобщим единством понятий, и потому в самом основоположении мы... будем пользоваться категорией, но в осуществлении его (в применении к явлениям) мы будем заменять категорию её схемой как ключом к её применению или, вернее, рядом с категорией будем ставить... схему под названием формулы основоположения» (В 224). Итак, схема для Канта выступает ограничивающим условием категории и стоит рядом с ней. Отметим, что схема как синтетическое основание опыта гораздо ближе к самому явлению, чем категория. Здесь возникает аналогия со схемой в науке, которая замещает объект и сама может выступать понятием, научным термином и т.д. Так работает понятийная схема в качестве трансцендентального синтетического основания знания.

¹² Вернемся к понятию опыта у Канта. На наш взгляд, вполне возможно предположить, что содержание эмпирических представлений составляют ощущения, и рассудок может антиципировать (применять) ощущения, причем антиципация представляет собой условие применения математики к естествознанию. Первое из указанных Кантом физиологических основоположений вряд ли будет понято без обращения к «Критике», где доказывается, что схемы «подводят все явления как созерцания в пространстве и времени под понятие *величины* и поэтому составляет принцип применения математики к опыту» (Кант 1994а, 64-65). Этот процесс можно понять как то, что ощущения необходимы для процесса познания.

¹³ Канта интересует по большей мере соотношение предметов в возможном опыте, соответствующее их реальной связи между собой. Эта возможность полагания предметов и составляет ядро гипотезы о соотношении созерцаний в возможном опыте с категориями рассудка. Пространство и время, а также

категории, дающие возможность соотнесения с предметами опыта, конституируют опыт как совокупность явлений. Вследствие этого познание трансцендентного мира, или мира вещей самих по себе, становится невозможным, а эмпирическое знание по сути своей гипотетично, полагаемо. Канта интересует отношение между нашими представлениями (созерцаниями) и категориями рассудка, которое есть возможность, или условие нашего познания вообще. Как уже говорилось выше, трансцендентальная схема, с помощью которой осуществляется связь между эмпирическими представлениями, является особым камнем преткновения для исследователей, поскольку из нее, как многие полагают, нельзя вынести сколь-нибудь ясного представления об истинности полагаемых предметов опыта. Одни делают акцент на синтезе воображения, который прекрасно раскрыт, например, Виндельбандом, считавшим, что Кант из ощущений создает предметы благодаря трансцендентальной схеме категорий пространства и времени. Он пишет: «И так как трансцендентальная апперцепция с помощью схемы пространства и времени путем объединительной функции категорий создает из ощущений предметы совершенно оригинальным образом, то она заслуживает название *продуктивного воображения*» (Виндельбанд 2007, 88). Виндельбанд полагал, что это и есть точка зрения «коперниковского переворота» в философии, открытие которого Кант «приписывал себе». Эта точка зрения касалась вопроса «соотнесения наших представлений к предметному миру». В модели Канта именно априорность придает нашему опыту характер всеобщности, поэтому, полагает Виндельбанд, объяснить априорное познание предметов может только трансцендентальная философия, показав, что «категории имеют всеобщее и необходимое значения для всякого опыта, так как сам опыт появляется впервые только через посредство категорий» (там же). Суть понимания Виндельбандом Кантовой концепции в том, что возникающее опытным путем (через посредство категорий), «возникает в виде синтезов представлений» в «сознании вообще», то есть в явлениях (Виндельбанд 2007, 89). По Виндельбанду, индивид произвольно из материала своих восприятий (по закону ассоциаций в том числе) может создавать «новые сопоставления», и эту деятельность называют «продуктивным воображением». Эта тема опыта интересным образом развивается в работе Соболевой (Соболева 2018, 133). Она считает, что «способность к производству схем, которые обеспечивают посредничество между чувственностью и рассудком, Кант называет „трансцендентальной способностью воображения» (Соболева 2018, 137). Также Гулыга назвал продуктивное воображение «не пустой фантазией, а рабочим инструментом синтеза чувственности и рассудка» (Гулыга 2019, 108). Современные исследователи, например Л. Фалькенштейн, считают, что у Канта опыт составляют не ощущения, а «реальные аналоги ощущений» (Falkenstein, 1995). Особый взгляд на проблему опыта через понятие вещи в себе раскрывает Т. Б. Длугач. Ссылаясь на Германа Когена, который вводит понятие бесконечно малой величины для кантовской философии, она считает, что вещь сама по себе делает явной для Канта саму реальность. Следовательно, вещь в себе нужна ему для обоснования внешнего мира, то есть реальности, а вместе с этим и всей теории опыта, основу которой составляют ощущения. На основании вышесказанного можно заключить, что теория опыта представляет собой отдельный проблемный раздел в кантовской философии. Мы полагаем, что здесь

важно изначально признать водораздел между чувственным и рациональным познанием у Канта, и на основании этого представить ощущения (или лучше сказать чувственные представления (см. В 376)) источником эмпирического познания. Методологическим ходом философа является то, что «... в трансцендентальной эстетике мы прежде всего *изолируем* чувственность, отвлекая все, что мыслит при этом рассудок посредством своих понятий, так, чтобы не осталось ничего, кроме эмпирического созерцания. Затем мы отделим еще от этого созерцания все, что принадлежит ощущению, так, чтобы осталось только чистое созерцанию и одна лишь форма явлений, единственное, что может быть нам дано чувственностью *a priori*» (В 36). Из этого можно заключить, что эмпирическое созерцание содержит в себе ощущения, которые Кант изолирует для того, чтобы получить чистое созерцание.

¹⁴ Теперь рассмотрим вопрос, связанный с интенсивной величиной Канта. Согласно Длугач, первооснову мышления и априорного познания составляет у Когена бесконечно малая величина, находящаяся внутри самого мышления и соединяющая априорное и реальное. Это и есть, по ее мнению, та саминтенсивная величина Канта. (Длугач 2016, 154).

¹⁵ Кант говорит, что если допустить, что «существует нечто *a priori* познаваемое во всяком ощущении как ощущении вообще, то оно заслуживает названия антиципации в необычном значении... Таков именно рассматриваемый нами случай» (В 209). Далее он пишет о «схватывании исключительно посредством ощущения», которое осуществляется «посредством мгновения». Нам представляется, что это и есть чувственная интуиция, которая не имеет экстенсивной величины, т.к. «отсутствие ощущения в одном и том же мгновении представляло бы его пустым, следовательно = 0». Кант добавляет: «Но то, что в эмпирическом созерцании соответствует ощущению, есть реальность...» (В 209). Некоторые полагают, что это высказывание следует понимать в том смысле, что речь здесь идет об «аналоге», корреляции, а не о прямой связи между реальностью и ощущением. Тем не менее, на наш взгляд, корреляция означает не что иное, как связь ощущения с реальностью, ибо в ощущении невозможно разделить ощущаемое от ощущающего, что и требуется для демонстрации необходимости этой реальности и о необходимой связи с ней ощущений. Для связи ощущений с реальностью в явлении Кант вводит понятие *интенсивной* величины, или степени (см. В 210). Здесь мы имеем дело с понятиями тяжести, теплоты, причем «моментом тяжести; это потому, что степень обозначает только такую величину, которая схватывается не последовательно, а мгновенно». Эта интенсивная величина всегда может быть уменьшена так, что «существует непрерывный ряд возможных реальностей и возможных менее значительных восприятий. Любой цвет, например красный, имеет степень, которая, как бы она ни была мала, никогда не есть наименьшая: то же самое можно сказать и о теплоте, моменте тяжести и т. п.» (В 210). Подчеркнем, что интенсивная величина наблюдается нами применительно к явлению, к «реальности в явлении». Поэтому можно сказать, что термин «ощущение» становится коррелятивным внутренней реальности (явлению) и необходимо связанным с внешней реальностью (и через нее с вещью в себе).

¹⁶ Попробуем с учетом вышесказанного ответить на вопрос о том, возможно ли для Канта полное познание реальности (трансцендентности). Здесь существует

проблема, заключающаяся в том, что понятие опыта для Канта не исчерпывает понятие реальности как вещи самой по себе. Опыт, по Канту, является синтезом представлений и имеет дело с явлениями: «Наши чистые рассудочные понятия, равно как и чистые созерцания, направлены только на предметы возможного опыта, стало быть, лишь на чувственно воспринимаемые вещи, и, как только мы оставляем их, эти понятия теряют всякое значение» (Кант 1994а, 75). Что же для Канта означает реальность?

¹⁷ Речь идет о физической реальности: философ использует понятия субстанции, силы, действия, которые, как он полагает, кажутся относящимися к вещам самим по себе, которым никогда не соответствуют опытные определения. Список этот нужно дополнить дефинициями из галилеевской физики: инерция, масса, скорость. Они являются абстракциями, принципами, дающими живые представления – образы научных явлений, и в них же проглядывают образы математического и временного пространства. Задача Канта как раз и состояла в том, чтобы найти способ объяснить применение математики к опыту, и он нашел этот способ – через внешнее ощущение пространства и внутреннее ощущение времени, как понятия *величины*, переход к суждениям опыта – к эмпирическим понятиям, в конечном итоге основывающимся на рассудочных категориях, имеющих всеобщий, необходимый характер.

¹⁸ Для объяснения любого закона Кант ищет условия, при которых возможен этот закон. Возьмем, к примеру, условие равенства радиусов круга. Кант полагает, что из этого принципа можно вывести любое определение геометрического пространства, любой закон физической астрономии, любой закон естествознания (Кант 1994а, 81). Между тем круг, радиус – все это идеальные конструкции нашего рассудка. Мы хорошо умеем применять эти принципы к астрономии и физике. Взять хотя бы закон всемирного притяжения тел, «согласно которому притяжение уменьшается обратно пропорционально квадрату расстояний от каждой точки притяжения в той же мере, в какой возрастают сферические поверхности, в которых эта сила распространяется, и это кажется необходимо лежащим в самой природе вещей и потому обычно объясняется как познаваемое *a priori*» (Кант 1994а, 81). Итак, говорит философ, «перед нами природа, основывающаяся на законах, которые рассудок познает *a priori* и притом главным образом из всеобщих принципов определения пространства». Он спрашивает: изучает ли рассудок эти законы природы или же они находятся в рассудке, в том способе, каким он определяет пространство? Отвечая на этот вопрос, Кант говорит, что пространство столь однообразно и неопределенно, что в нем, конечно же, не стали бы искать сокровищницу всех этих законов природы, а между тем то, что определяет пространство в качестве круга, конуса и шара, есть рассудок, устанавливающий единство их построения, т. е. условия нашего познания, «основания для единства их [законов – Е.С.] построения» (Кант 1994а, 82). С Кантом трудно не согласиться, поскольку именно рассудок устанавливает законы идеальности и модели, при помощи которых мы «подводим явления природы под свои собственные законы», так что «рассудок есть источник всеобщего порядка природы» (там же). Заметим, что определение Кантом условий познания законов природы позволило объяснить физику Галилея и механизм построения им законов природы.

Теперь от рассмотрения чистых структур перейдем к более подробному анализу их эмпирического применения на основе «Критики чистого разума». Кант, строя каркас априорности, показывает механизм ее выстраивания и применения. На первом месте стоят аксиомы созерцания (чувственности), на втором – антиципации восприятия. Здесь Кант рассматривает явления как предметы восприятия. Антиципации способствуют эмпирическому познанию (Кант 1994, 697). «Восприятие, – говорит Кант, – есть эмпирическое сознание, в котором есть ощущение» (В 207). Ощущение имеет интенсивную величину, означающую степень влияния на чувство (В 208). Ощущение для Канта становится материей восприятия. Если допустить, что существует нечто а priori познаваемое во всяком ощущении, то оно заслуживает название антиципации (В 209). Антиципация как процесс восприятия уподобляется Кантом *πρόληψις* Эпикура, что Рикёр сравнил с отпечатками на греческих восковых табличках (ср. Кузнецов 2003, 25). Философ раскладывает степень реальности, которую называет интенсивной величиной, на множество мгновений, так что всякая величина этой реальности может быть уменьшена до сведения её к нулю, в последнем случае ощущение исчезает вообще. В то же время Кант говорит о непрерывности величин реальности, представленной в явлении, о том, что в явлении всегда представлена реальность (В 214). При этом свойства ощущений, такие как непрерывность, интенсивное количество, степень интенсивности, могут быть познаны только а priori, но даны они а posteriori, например цвет, вкус и т.д. (В 218).

20 На третье место философ ставит аналогии опыта. Принцип их таков: *опыт возможен только посредством представления о необходимой связи восприятий*. Кант приводит доказательство своего постулата об аналогии опыта. Такая возможность нам представляется, когда мы, не имея способности ощущать время, связываем события в определенной закономерности в нашем восприятии, причём эта закономерность восприятий необходима и осуществляется посредством трех модусов времени: постоянство, последовательность и существование, предшествующих нашему восприятию. При этом ощущение, например, в виде цветовых восприятий, можно сложить и дать в определенной форме: например, степень освещения от солнечного света, как кажется Канту, можно составить из 200000 лунных освещений. Но его основания (синтетическое единство всех восприятий временных отношений с их модусами) являются *конститутивными* (В 221).

21 Помимо этого Кант пытается доказать закон постоянства материи, исходя из предположения о неизменном во времени субстрате, относительно которого можно отсчитывать время (В 225), т.е. основываясь на аксиоме постоянства субстанции. Явления – это в каком-то роде акциденции (неустойчивости, случайности) этого субстрата, точнее субстрата вещи в себе. Явление есть тот способ, каким мы себе представляем существование вещей в себе (В 229). Субстанция (в явлении) есть субстрат всех определений времени.

22 Вторая аксиома опыта касается временной последовательности субстанции, или причинности. Связь причины и действия осуществляется в нашем сознании, т. к. сами по себе вещи вне связи с сознанием (вне явленности в сознании), согласно Канту, не могут нас волновать, ибо мы ничего не знаем о них как о вещах трансцендентных, недоступных нашему познанию. Мы можем

посмотреть на явленность вещей в сознании с разных позиций. С точки зрения познания законов природы и различных наук явленность вещей в сознании представляет собой реальную, обоснованную картину мира, конструируемую нами, исходя из наших представлений, которая, впрочем, вполне согласуется со всем остальным органическим миром (органицизм). Что касается мира вещей в себе, то он скрыт от нас, поскольку не является предметом опыта. Сюда, как часто полагают, может быть отнесена та реальность, которая просто не доступна нашим восприятиям.

²³ Попробуем задать себе вопрос: что не может входить в систему наших представлений или, лучше, что входит в систему наших представлений? Это, прежде всего, научная картина мира, разные области научного и иного знания, а также верования, ценности и т. д. Тогда возникает следующая проблема: для каких целей Канту потребовалось «удваивать действительность», мы имеем в виду его положение об опосредованном восприятии реальности через определенные априорные формы – пространство и время? Здесь интересное объяснение предлагает Разеев. По его мнению, вводя понятие «явление», Кант имеет в виду не искажение действительности, а, напротив, ему важно подчеркнуть, что именно вещи в себе воздействуют на нас. Однако то, что «является» следует искать не в области существования этой вещи, а в самой нашей субъективности (Разеев 2010, 192). Мы полагаем, что прежде всего Кант хочет показать объективность мира явлений. Эту объективность, всеобщность нашего познания могут дать, с его точки зрения, только условия, к которым он относит принципы рассудка. Другими словами, это априорность нашего сознания, дающая правила и принципы, по которым действует рассудок. Поэтому большое место в кантовской философии в объяснении возможности познания занимает трансцендентальная дедукция. Затем рассудок, по Канту, переносит априорный временной порядок на явления и их бытие, «приписывая каждому из них как следствию место во времени, а priori определенное в отношении к предшествующим явлениям» (В 245). Таким образом, восприятие, относящееся к опыту, становится возможным в том случае, если я рассматриваю явление как определенное по месту его во времени, стало быть, и по правилу. Порядок схватывания доставляет нам рассудок: «в том, что предшествует, должно находиться условие, при котором событие всегда (то есть необходимо) следует» (В 243). Таким образом, утверждает Кант, «закон достаточного основания есть основа возможного опыта, а именно объективного знания явлений касательно отношения их во временной последовательности» (В 246). Это особенно важно, так как мы можем воспринимать явления в любой последовательности. В воображении, пишет Кант, порядок последовательности не определен, и ряд следующих друг за другом представлений может быть взят с любой стороны, в одном или в другом направлении. В природе, напротив, мы констатируем последовательность в чередовании объектов во времени: «если нечто дано, то другое необходимо должно последовать». Такую объективную последовательность Кант называет условием опыта, а также условием для эмпирических суждений, то есть суждений опыта (В 247).

²⁴ Итак, нам интересна связь условий опыта с условиями нашего восприятия. Мы уже заранее предполагаем, что связь эта будет коррелятивной, функциональной, по типу математической функции: когда возникает одно

(объект), то возникает и другое (восприятие). Однако, здесь как раз и возникает проблема конструктивизма, о которой мы будем говорить ниже.

²⁵ Кантовский мир чувственного созерцания сложен и многообразен. Предметы познания, говорит Кант, даны нам при условии синтетического единства апперцепции. При этом он рассматривает чистые понятия только лишь как формы, или условия возможности нашего познания; сами эти понятия не порождают никакой опыт. Однако, согласно конструктивизму, как раз напротив, понятия порождают реальность. Речь может идти о таких концептах, как собака и треугольник, а также таких, как коммунизм, либерализм, свобода, религиозное сознание, революция, бунт и т. д. (Микешина 2010, 215–216). Конструктивисты считают, что воображение вполне может породить любую реальность. Но Кант говорит в своей теории не об этом. Он полагает, что метод сложения, или индукции, применяется, когда реальность уже имеется в наличии в виде эмпирического опыта, чувственно данного субъекту в ощущениях, а рассудку этого субъекта – в эмпирических суждениях. «В одном лишь понятии вещи, – считает он, – нельзя найти признак её существования» (В 272). Кант предлагает трансцендентальное объяснение того, как наши субъективные ощущения и эмпирические суждения становятся всеобщими и необходимыми.

²⁶ Заметим, что Канта часто упрекали в идеализме берклианского типа, и он должен был доказывать, что вовсе не отрицает реальность внешнего мира. Для того чтобы снять обвинения в берклианстве Кант подготовил раздел «Опровержение идеализма» и поместил его во второе издание «Критики чистого разума». Здесь он привёл доказательства против причисления его учения к картезианству и берклианству, утверждая, что его теория познания не может обойтись без внешнего мира. Нечто *постоянное* в нашем восприятии, сознании не может находиться только во мне (намек на Декарта). Воспринять это постоянное во времени можно только при помощи вещи вне меня, а не посредством одного лишь представления. «Значит, определение моего существования во времени возможно только благодаря существованию действительных вещей, которые я воспринимаю [как находящиеся] вне меня» (В 275). Таким образом, очевидно, что Кант признает существование внешних по отношению к субъекту вещей (снятие обвинений в берклианстве). В «Опровержении идеализма» Кант утверждает, что «существование предметов чувств нельзя познать совершенно а priori, а можно познать лишь до некоторой степени а priori – по отношению к другому уже данному существованию – и так как даже и в этом случае мы можем познать только то существование, которое должно находиться где-то в контексте опыта, к которому как часть принадлежит данное восприятие, то необходимость существования никогда нельзя понять из понятий: она всегда познается только из связи с тем, что воспринимается, по общим законам опыта» (В 279). Далее он конкретизирует свою мысль: «... мы можем познать только необходимость состояний вещей, а не необходимость существования самих вещей (субстанций), и то на основании других состояний, данных в восприятии, по эмпирическим законам причинности» (В 280). Эти цитаты могут снять обвинения Канта в конструктивистском характере его учения.

²⁷ Тем не менее вопрос о конструктивистском характере кантовского опыта до сих пор не получил окончательного ответа. Ю.В. Перов комментирует это

положение таким образом: «... нетрудно обнаружить, что в разных смысловых контекстах в процессе движения кантовской мысли даже тождественные формулировки обретали новые смыслы и оттенки значений, обогащались в своем содержании. Тем более, когда они сопровождались добавлениями и разъяснениями» (Перов 2010, 68). По сути, у Канта речь идет о познании вещей, данных в чувственности, о «необходимости существования состояний вещей». Но что означают эти состояния вещей? На наш взгляд, здесь скрыта одна из главных проблем эмпирического познания в философии Канта. Куно Фишер, казалось бы, разрешил эту проблему, указав, что Кант раскрывает происхождение наших представлений из состояний наших ощущений. Это и называется, говорит он, трансцендентальным идеализмом (Фишер 1906, 549). Согласно Фишеру, «состояния ощущений» можно трактовать как восприятия вещей, или представления, имеющие опосредованное рассудком опытное, чувственное происхождение. Ему противоречит В.Н. Кузнецов, который пишет, что «на всем протяжении КЧР высказывалось убеждение Канта, что действительное существование каких бы то ни было вещей обязательно должно удостоверяться их чувственным восприятием. Таков смысл кантовского настаивания на том, что лишь посредством чувственности “даются&8j1; нам вещи (или предметы), которые затем “мыслятся&8j1;», то есть познаются человеческим интеллектом». Согласно ему, в составе созерцаний Кант выделяет «ощущения», возникающие в результате воздействия внешних предметов на чувственность, в которой и возникают эти ощущения, или «эмпирические созерцания» (непроницаемость, твердость, цвет и т. п.) (Кузнецов 2003, 30–31). Однако в результате такого «распредмечивания» чувственно воспринимаемого мира, говорит Кузнецов, «из него полностью исчезало представление о теле как физической реальности и оставались только “две чистые формы чувственного созерцания как принципы априорного знания, а именно пространство и время”» (Кузнецов 2003, 31). По нашему мнению, в пользу неконструктивистского характера кантовской теории свидетельствует тезис о «несводимости чувственного и рассудочного познания друг к другу» (ср. Соболева 2021, 22). Аргумент в пользу этого тезиса находим у самого Канта. Например, к рассудочным определениям он относил субстанцию, силу, делимость, и отличал их от «представлений о теле», которые относились к «эмпирическому созерцанию» (ср. Кузнецов 2003, 31).

29 В статье была сделана попытка раскрыть ступенчатый процесс кантовского эмпирического познания. Разделяя созерцание и понятие на чистое и эмпирическое, Кант дает основание для более детального анализа его эмпирического и чистого опыта. Поскольку он отрицает юмовский эмпиризм, то возникает вопрос о том, что есть для него сам опыт? Нам представляется важным в связи с этим, что пространственно-временные отношения подводятся им под понятие величины, а ощущения в свою очередь подводятся к эмпирическому созерцанию. Феноменологический ход рассуждений приводит Канта к раскрытию самого механизма восприятия, начинающегося с чувственности, но имеющего глубокие трансцендентальные основания. Анализируя «Пролегомены» и «Критику чистого разума», мы увидели, что теория опыта философа достаточно дифференцирована, а процесс познания имеет несколько уровней (ср. также о

многоуровневой структуре (Васильев 1998, 49); о двухступенчатой модели опыта Гарета Эванса, от которого ведет свое происхождение современный антиконцептуализм (ср. Соболева 2018, 132)) (по этому вопросу есть огромное количество литературы, не ограничивающееся названными работами)¹. Мы попытались вычленить самый первый уровень – уровень ощущений, которые нас связывают с внешней реальностью, и проанализировать его. Ясно, что отвергая напрямую эмпирическое учение, Кант не начинает процесс познания прямо с чувственных ощущений, иначе он был бы эмпириком. Реализм Канта заключается в его непростом движении в ходе его коперниковского переворота в сторону оснований чувственного опыта. В этом движении важно, что наряду с формами чувственности и категориями у Канта присутствует еще и некая схема как «чувственное понятие предмета» (ср. Соболева 2018). Эта схема, с нашей точки зрения, может выступать представлением или явлением. Но чтобы придать такой схеме общезначимый характер, нужно руководствоваться целой системой синтетических основоположений, среди которых особое место занимают три модуса времени: постоянство, последовательность и существование. Эти модусы априорны и являются условиями чувственного познания. Можно сказать, что они интуитивно-чувственны, то есть не достаточно осознаются нами в реальном процессе познания. Осознать эти процессы нам помогает рассудок, наделенный чистой логической организацией. Чувственность и рассудок стоят между собой в коррелятивной связи (как внешний и внутренний опыт, где внешний опыт строится на основе интуиции пространства, а внутренний – на основе интуиции времени). Переходя к эмпирической составляющей опыта, Кант выделяет интенсивную величину, или степень (количественная характеристика) и качественные характеристики ощущений (вкус, цвет и т.д.). Поскольку Кант вводит понятие интенсивности, можно заключить, что есть некая шкала восприятий, а значит могут быть такие представления пространства и времени, которые априорны и объясняют возможность применения математики к природе.

Примечания:

1. Allais L. (2015) *Manifest Reality. Kant's Idealism and his Realism*. Oxford University Press; George R., Kant's sensationism. *Syntese*, 47 (1981), p.229–255; Phillip Cummins, (1968) Kant on Outer and Inner Intuition. *Noûs*, Vol. 2, No. 3, pp. 271-292; Lorne Falkenstein (1995) *Kant's Intuitionism: A Commentary on the Transcendental Aesthetics*. Toronto: University of Toronto Press.

Библиография:

1. Асмус, В.Ф. (1973) Иммануил Кант. М.: «Наука».
2. Васильев, В.В. (1998) Подвалы кантовской метафизики (дедукция категорий). М.: Наследие.
3. Виндельбанд, В. (2007) История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками в 2 т. Т. 2. От Канта до Ницше. М.: Гиперборея, Кучково поле.
4. Гулыга, А. (2019) Кант. М.: Молодая гвардия.

5. Длугач Т.Б. (2016) Две концепции конструктивизма XVIII века (Кант, Фихте) // Философский журнал. Т. 9. № 1. С. 120–133.
6. Длугач Т.Б. (2019) О некоторых странных предположениях в первой «Критике» Канта // Философский журнал / Philosophy Journal. Т. 12. № 2. С. 48–63.
7. Длугач Т.Б. (2011) Еще раз об априоризме Канта // Философский журнал. № 2 (7). С. 45–58 .
8. Длугач Т.Б. (2016) Загадки трансцендентального идеализма (Марбургская школа кантианства) // Историко-философский ежегодник №1. С. 145–164 .
9. Кант, И.(1994) Собрание сочинений в 8 т. Т. 3. М, «Чоро».
10. Кант, И.(1994а) Собрание сочинений в 8 т. Т. 4. М.: «Чоро».
11. Катречко, С.Л. (2021) Ведет ли коперниканский переворот Канта к идеализму? // Трансцендентальный поворот в современной философии 6: Трансцендентализм как «изменённый метод мышления [в метафизике]», модусы, перспективы трансцендентальной метафизики. Тезисы международного научного семинара. Abstract of the International Workshop. М., 22–26 апреля 2021 г. М. С. 14.
12. Кузнецов, В.Н. (2003) Немецкая классическая философия. М.: «Высшая школа».
13. Лебедев, С.А., Ильин, В.В. и др. (2005) Философия науки. М.: Академический проект.
14. Лекторский, В.А. (2005) Кант, рациональный конструктиизм и конструктивный реализм // Вопросы философии. 2005. № 8. С. 11–22.
15. Микешина, Л.А. (2010) Диалог когнитивных практик. Из истории эпистемологии и философии науки. М.: РОССПЭН.
16. Перов, Ю.В. (2010) Лекции по истории классической немецкой философии. Спб.: «Наука»
17. Разеев, Д.Н. (2010) Телеология Иммануила Канта. Спб.: «Наука».
18. Рикёр, П. (2004) Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы.
19. Розефельдт, Т. (2021) Как быть реалистом относительно идеализма Канта // Трансцендентальный поворот в современной философии – 6: Трансцендентализм как «изменённый метод мышления [в метафизике]», модусы, перспективы трансцендентальной метафизики. Тезисы международного научного семинара. Abstract of the International Workshop. 22–26 апреля 2021 г. М., 2021. С. 22.

20. Соболева, М.Е. (2018) Как читать Канта, или Кант в контексте современных эпистемологических дискуссий в западном аналитическом кантоведении // Вопросы философии. 2018. № 3. С. 129–140.
21. Соболева, М.Е. (2021) «Эмпирический реализм» Канта // Трансцендентальный поворот в современной философии – 6: Трансцендентализм как «изменённый метод мышления [в метафизике]», модусы, перспективы трансцендентальной метафизики. Тезисы международного научного семинара. Abstract of the International Workshop. 22–26 апреля 2021 г. М., С. 22.
22. Фишер, К. (1906) История новой философии. Т. V. Иммануил Кант и его учение. Ч. II. Спб.: Издание товарищества «Знание».
23. Хайдемман Д. Кантовское открытие реализма // Трансцендентальный поворот в современной философии – 6: Трансцендентализм как «изменённый метод мышления [в метафизике]», модусы, перспективы трансцендентальной метафизики. Тезисы международного научного семинара. Abstract of the International Workshop. 22–26 апреля 2021 г. М. С. 24.
24. Хоган Д. Абсолютное пространство и априори // Трансцендентальный поворот в современной философии – 6: Трансцендентализм как «изменённый метод мышления [в метафизике]», модусы, перспективы трансцендентальной метафизики. Тезисы международного научного семинара. Abstract of the International Workshop. 22–26 апреля 2021 г. М., 2021. С. 24–25.[Электронный ресурс].

A Non-Constructivist Reading of Kant's Philosophy

Elena Schastlivceva

Vyatka State University

Russian Federation, Kirov

Abstract

The article reveals the consequent process of the Kantian empirical cognition. Separating a priori and empirical knowledge, the philosopher gives grounds for a more detailed analysis of empirical and pure experience. Since Kant denies empiricism, the question arises what is an experience for him? I think that spatio-temporal relations that play a leading role in his theory of experience can be analyzed on the transcendental level as the concept of magnitude, while the sensations of space and time, in turn, can be pretty good described from the perspective of a physiology of empirical experience. Kant's phenomenological approach allows for a description of the mechanism of perception, beginning with the pure intuitions, which underlie mathematics, and ending with empirical sensations. Thus, I claim that it is possible to reconstruct a certain scale of perceptions: there are intuitions of space and time on the transcendental level, which gives the possibility of applying mathematics to nature. This level becomes a starting point for the subsequent stage of presentation of mathematical time and geometric space. The process results in empirical judgments which don't have an apodictic character any more.

Keywords: constructivism, theory of experience, intensive quantity, scale of sensations-perceptions, step process of cognition

Publication date: 16.11.2021

Citation link:

Schastlivceva E. A Non-Constructivist Reading of Kant's Philosophy // Studies in Transcendental Philosophy – 2021. – V. 2. – Issue 2 [Electronic resource]. URL: <https://transcendental.su/S271326680016991-0-1> (circulation date: 18.05.2024). DOI: 10.18254/S271326680016991-0